

УДК 273.99

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.39.117>

К вопросу о постколониальном характере сибирской обновленческой церковности

С. С. Кульпинов*

Новосибирская православная духовная семинария, г. Обь, Российская Федерация

Аннотация. Анализируются церковные практики Сибирской обновленческой церкви в 1920-х – первой половине 1930-х гг. с точки зрения их постколониального характера. Обозначаются особенности постколониального подхода в теологии и церковных практиках. Исследуется национальный постколониализм в рамках общин и епархий Сибирской церкви, а также анализируется специфика сибирского церковного национализма в контексте постколониальной проблематики. Делается вывод о том, что в Сибирской обновленческой церкви имелись стремления к поставлению собственных идей в центр церковной жизни, а также к развитию национального наследия в рамках отдельных общин, однако стройная система взглядов, которую можно было бы охарактеризовать как постколониальную, сформирована не была.

Ключевые слова: контекстуальные теологии, постколониальные церковные практики, Сибирская обновленческая церковь, «митрополит» Петр Блинов, «епископ» Николай Винокуров, «архиепископ» Василий Макушев.

Для цитирования: Кульпинов С. С. К вопросу о постколониальном характере сибирской обновленческой церковности // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2022. Т. 39. С. 117–124. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.39.117>

Original article

Revisiting the Post-Colonial Character of the Siberian Renovationist Church

S. S. Kulpinov

Novosibirsk Orthodox Theological Seminary, Ob, Russian Federation

Abstract. The article analyzes church practices of the Siberian Renovationist Church in the 1920s – the first half of the 1930s in the view of their postcolonial nature. The features of the postcolonial approach in theology and church practices have been outlined. The article examines the national postcolonialism in the communities and dioceses of the Siberian church, and analyzes some features of Siberian church nationalism in the context of postcolonial issues as well. The author has come to the conclusion that the Siberian Renovationist Church sought to make its own ideas primary, as well as to develop national heritage within individual communities. However, a coherent system of views that could be described as postcolonial was not formed.

Keywords: contextual theologies, postcolonial church practices, Siberian Renovationist Church, “metropolitan” Pyotr Blinov, “bishop” Nikolai Vinokurov, “archbishop” Vasily Makushev.

For citation: Kulpinov S. S. Revisiting the Post-Colonial Character of the Siberian Renovationist Church. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2022, vol. 39, pp. 117–124. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.39.117> (in Russian)

Введение

Проблема постколониальной теологии и постколониальных церковных практик в настоящее время является весьма актуальной [7, р. 2; 11, р. 128]. Вместе с тем вопрос как о современных возможностях для развития постколониальных церковных практик в Русской церкви, так и об их существовании в истории православия практически полностью не изучен. Помимо этого, на наш взгляд, при конструировании современных постколониальных церковных практик *a priori* необходимо опираться на имевшие место примеры из церковной истории. Оба вышеприведенных положения делают настоящее исследование актуальным с теоретической и практической точки зрения.

В рамках настоящего исследования нами предпринимается попытка проанализировать имевшие место в обновленческом расколе церковные практики с точки зрения их соответствия постколониальным тенденциям и подходам, в первую очередь обращая внимание на те практики, которые сложились в рамках Сибирской обновленческой церкви.

Целью исследования является изучение церковных практик Сибирской церкви в 1920-х – начале 1930-х гг. с точки зрения их постколониального характера.

Для достижения цели выдвигаются следующие задачи:

- исследовать проблему национального постколониализма в сибирском обновленчестве;
- рассмотреть постколониальные аспекты общесибирской обновленческой церковности.

В исследовании автором применялись преимущественно описательный и сравнительно-исторический методы.

Проблема национального постколониализма в сибирском обновленчестве

Возникновение контекстуальной теологии традиционно относится исследователями к периоду после Второй мировой войны. Развитие постколониальной теологии связывается с процессом деколонизации во второй половине XX в. и дальнейшим становлением постколониального мышления [10, р. IX–X]. В этой связи хронологически события первой половины XX в. сложно интерпретировать в постколониальном ключе. По мнению А. В. Шишкова, контекстуальные теологии в православной церкви только начинают зарождаться в настоящее время [6, с. 63].

К этому следует добавить, что вопросы о применимости постколониальных подходов к ситуации в СССР и на постсоветском пространстве на сегодняшний день являются дискуссионными [1, с. 3].

Необходимо отметить, что для постколониальной теологии характерно активное использование национального наследия, замена им европейской культуры (колониального прошлого). При этом следует сделать оговорку, что ряд современных постколониальных теологов высказываются как за отказ от европейских (колониаторских) богословских методологий, так и за ревизию корпуса богословских источников [4, с. 294–295; 9, р. 11–12]. Отдельно важно подчеркнуть, что, несмотря на ряд сходств, нельзя смешивать постколониальную

теологию с теологиями освобождения, поскольку в центре последних стоит в большей мере социальная проблематика [5, с. 36–39; 8, р. 55–56].

С этой точки зрения, несомненно, рассуждать о постколониальном подходе в обновленческом богословии и церковной практике не представляется возможным. Очевидные сходства между православным обновленчеством и теологиями освобождения в данном контексте также следует отметить как не относящиеся к исследуемой проблематике. Тем не менее некоторые шаги по национализации теологии и церковной практики с отрицанием наследия Российской империи имели место и в национальных общинах в обновленчестве, и в национальных церквях, вошедших в юрисдикцию Константинопольского патриархата в 1920–1930-х гг., в первую очередь Финской¹.

Особенно примечательным в этом отношении видится опыт Сибирской церкви, включавшей в 1920-х гг. территории Сибирской и Дальневосточной обновленческих митрополий², поскольку именно в этом регионе была довольно хорошо развита национально ориентированная христианская миссия в синодальный период.

Обновленческое движение во многом декларировало принципы инклюзивной церковности, хотя таковые принципы далеко не всегда реализовывались на практике³. Тем не менее попытки конструирования национальной церковности в рамках структур, подчиненных обновленческому Священному синоду, были довольно успешны в Украинской и Белорусской ССР, хотя эти попытки являлись вторичными, во-первых, по отношению к национальным автокефалистским движениям (в особенности на Украине), во-вторых, по отношению к советской политике дерусификации национальных республик. С этой точки зрения примечательно, что Сибирская церковь создавала свой церковный национализм, не имевший аналогов в государственном и церковном движении 1920-х за пределами обновленчества [3].

В некоторых национальных регионах СССР имело место значительное развитие обновленчества почти исключительно среди русского населения, без каких-либо попыток христианской интерпретации наследия коренного населения. Ярким примером подобной ситуации следует считать положение обновленчества в Средней Азии⁴.

Необходимо отметить, что Сибирская церковь в 1920-х гг. официально не декларировала постколониальных идей по отношению к коренным народам

---

¹ Поместный собор в Финляндии // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 4. С. 13–14.

² Претензии на руководство двумя митрополиями, несмотря на равнозначное положение обеих, были озвучены на II Всесибирском съезде духовенства и мирян 12 мая 1924 г., причем присутствовавший там же представитель Дальневосточной митрополии не возражал против такой постановки вопроса [Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 20. Л. 86–86 об.]. С точки зрения обновленческого Священного Синода, Сибирская и Дальневосточная митрополии являлись равноправными структурами, одинаково находящимися в непосредственном синодальном подчинении [Обзор современного положения Р.П.Ц. // Вестник Священного Синода Православной Российской церкви. 1925. № 1. С. 15–16].

³ Например, несмотря на декларируемую открытость церковных процессов для женщин, на уровне епархий и приходов нередко присутствовала мизогиния и дискриминация женщин даже в тех сферах, где их присутствие имело место исторически [См.: Государственный архив Иркутской области (далее – ГАИО). Ф. 485. Оп. 2. Д. 182. Л. 125.].

⁴ Александр Введенский, митрополит. По Средней Азии // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 9-10. С. 11–16.

Сибири и Дальнего Востока, подчеркивая только общесибирскую самобытность. Даже миссионерский характер работы с этими народами официально не провозглашался⁵. Вместе с тем некоторые имевшие место практики, на наш взгляд, можно рассматривать в постколониальном ключе.

На протяжении 1920-х гг. миссионерская деятельность понималась обновленцами в первую очередь как борьба с сектами, что отражалось как на синодальном⁶, так и на епархиальном⁷ уровнях. Во второй половине 1920-х гг. в Восточной Сибири активная работа с национальными общинами имела место только в тех случаях, когда сами общины настаивали на своем особом статусе. Например, в Иркутской епархии в 1927 г. чувашский приход активно добивался назначения чувашского священника для осуществления богослужения на национальном языке⁸. Аналогичная ситуация наблюдалась и в других регионах СССР. В частности, в Белорусской ССР особый статус пыталась получить латышская община⁹.

С точки зрения постколониальных церковных практик интересна ситуация в Среднеколымской епархии, куда в 1927 г. был назначен «епископ» Николай Иовлевич Винокуров, первый «архиерей» – этнический якут¹⁰. В период его управления епархией происходил значительный рост просветительской и прозелитической деятельности¹¹, хотя нельзя однозначно сказать, что упор делался именно на якутские национальные традиции в церковных практиках. Развитие якутской церковной жизни планировалось и назначенным в Якутск 14 мая 1929 г. «архиепископом» Михаилом Александровичем Николаевым, однако отсутствуют данные о том, насколько это удалось реализовать в условиях развернувшихся гонений на обновленчество в Сибири и на Дальнем Востоке¹².

В связи с положением в Среднеколымской епархии примечательно и то, что в 1930 г. некоторые обновленческие священнослужители в Якутске были арестованы в рамках дела «Кытыгас», возбужденного против якутских националистов¹³. В то же время нельзя с уверенностью говорить на этом основании о воззрениях данных клириков, поскольку их причастность к националистическим кругам могла быть исключительно версией следствия.

⁵ Например, вопросы церковного просвещения тунгусов в 1920-х гг. поднимал только иркутский протоиерей Н. С. Попов-Кокоулин [ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 59. Л. 1-2 об.], причем его предложения не были рассмотрены вышестоящими обновленческими структурами [ГАНО. Ф. Р. 1485. Оп. 1. Д. 20. Л. 79-89 об.].

⁶ Адаменко В., прот. Сектанство и борьба с ним (Речь, произнесенная на Всесоюзном Миссионерском Съезде 3-го февраля 1927 г. в г. Москве) // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 7-8. С. 23–25; Фетисов Н., прот. Сектанство // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 7-8. С. 30–32; Белоликов В. З. О Таинствах (против сектантов) // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 9-10. С. 32–35.

⁷ ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 159. Л. 1; ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 274; ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 196. Л. 1; ГАНО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 23. Л. 12; ГАНО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 20. Л. 18-18 об.

⁸ ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 130. Л. 11, 34.

⁹ Деяния III Поместного собора Православных церквей на территории СССР // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 6 (2). С. 5–6.

¹⁰ ГАИО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 18. Л. 2.

¹¹ В Среднеколымской епархии отмечался рост общин даже в 1929 г., когда в большинстве регионов СССР уже начался процесс закрытия храмов и ликвидации общин в связи с коллективизацией и индустриализацией [ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 144. Л. 15 об.].

¹² ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 144. Л. 10–11, 13.

¹³ ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 225. Л. 15.

В Бурят-Монгольской АССР назначенный в 1929 г. «архиепископ» Василий Федорович Макушев живо интересовался состоянием коренного населения. В материалах, представляемых им в Восточно-Сибирскую митрополию в 1931–1932 гг., отражался широкий круг вопросов, связанных с положением жителей Верхнеудинска и АССР в целом, их культурным развитием. Большой интерес «архиерей» проявлял к положению буддизма в Бурятии, состоянию буддистского духовенства и верующих¹⁴. Примечательно, что обновленческий «архиепископ» переживал не только за религиозное и нравственное состояние жителей Бурят-Монгольской АССР, но и за их культурное просвещение¹⁵. Следует полагать, что «архиерей» стремился к поставлению местных традиций и культуры коренного населения в центр церковных практик, однако в условиях тотального сокращения общин вследствие гонений осуществить это не представлялось возможным.

В целом можно сказать, что постколониализм в теологии и религиозных практиках подразумевает обращение к национальному наследию и провозглашение его первостепенным в сравнении с колониальным, европейским наследием. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в Сибири имели место стремления отдельных обновленческих общин к развитию национального начала в церковных практиках. Сложно судить о том, насколько аналогичные стремления были у некоторых обновленческих «архиереев», однако интерес к наследию коренных народов Сибири с их стороны определенно имел место.

Постколониальные аспекты сибирской обновленческой церковности

Обозначив основные аспекты, связанные с попытками использования национального наследия коренных народов в церковных практиках Сибирской церкви, следует рассмотреть возможные постколониальные аспекты сибирского церковного национализма. Необходимо обозначить, что обновленческий сибирский церковный национализм не имел каких-либо аналогов в других церковных группировках, а также в государственной советской политике. Помимо этого, сибирские обновленцы не опирались на дореволюционное наследие ретриков сибирского областничества [см.: 3].

При этом в некоторых работах сибирских обновленцев констатировалось, что в дореволюционный период в государственных и церковных структурах бытовал взгляд на Сибирь как на колонию и место ссылки¹⁶. С этим положением резко контрастировал статус Сибири в обновленчестве, оформившийся уже в период институционализации раскола. Особый статус Сибирской церкви обосновывался рядом факторов, в первую очередь активным осуществлением церковных реформ еще в период институционализации (в особенности в плане введения брачного епископата)¹⁷, а также более ранней консолидацией обновленческих церковных группировок в Сибири¹⁸. Важно отметить, что на II Поместном соборе, проходившем в Москве с 29 апреля по 9 мая 1923 г., сибирские

¹⁴ ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 209. Л. 2; ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 229. Л. 5.

¹⁵ ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 229. Л. 3, 7.

¹⁶ См.: ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 11. Л. 1-1 об.

¹⁷ ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 29.

¹⁸ ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 31. Л. 9; ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 27. Л. 111.

церковные нововведения были признаны, а сибирский женатый епископат сыграл значительную роль. Возглавивший Сибирскую церковь с момента ее институционализации «митрополит» Петр Федорович Блинов был избран председателем собора¹⁹. Несколько ранее его кандидатура рассматривалась на замещение Ленинградской кафедры, хотя и была отклонена [2, с. 306].

После Поместного собора статус Сибирской церкви только упрочился внутри обновленчества. В своих посланиях «митрополит» Петр неоднократно подчеркивал, что идеи, реализованные в Сибири, должны быть распространены на всю Православную церковь²⁰. Прежде всего речь шла о полной победе семейного епископата в Сибирской церкви. Стремление сохранить положение, сложившееся на II Поместном соборе, когда Сибирь диктовала свои условия и нововведения остальному обновленчеству, просматривалось в декларациях и посланиях Сибирской церкви середины 1920-х гг.²¹ В этом стремлении перенести практики, распространившиеся в Сибири, на всю остальную церковь и прослеживался сибирский церковный национализм или постколониализм. Хотя следует сделать оговорку, что сами эти практики сложились не в Сибири и были сибирскими обновленческими структурами заимствованы из Европейской России [2, с. 246]²². В то же время, будучи активно внедрены в Сибири с самого начала обновленческого раскола, подобные практики (в первую очередь семейный епископат) к середине 1920-х уже воспринимались как специфически сибирские, за которые сибирское обновленчество готово было бороться со Священным синодом. В отношении семейного епископата Сибирская церковь подчеркивала, что эта идея должна полностью вытеснить епископат монашескую²³. Сибирская церковь выражала готовность принимать брачных архиереев из тех регионов, где семейный епископат не утвердился, первым делом из Украинской ССР²⁴. В более поздний период, во второй половине 1920-х гг., в Сибири декларировалась и идея многобрачного епископата, которая также постулировалась как местная²⁵.

В целом можно сказать, что Сибирская церковь усвоила идеи, принесенные центральными обновленческими органами, как собственные, впервые реализовав их на практике. При этом сибирские церковные структуры добивались распространения данных практик на все обновленчество. Иными словами, стремились к замене старых, ортодоксальных идей своими (воспринимаемыми как свои). В этом смысле можно говорить о некотором сибирском церковном постколониализме, хотя каких-то специфически сибирских церковных практик и не реализовывалось.

¹⁹ См.: Деяния II Всероссийского Поместного собора Православной церкви: Бюллетени. М., 1923. 20 с.

²⁰ ГАНО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 8. Л. 1-2; ГАНО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 20. Л. 20-21.

²¹ ГАНО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 20. Л. 79, 84-84 об.

²² Здесь следует сделать оговорку, что идея семейного епископата в Европейской России в период институционализации обновленчества являлась скорее теоретической, в то время как ее практическое воплощение началось в Сибири уже в августе 1922 г., когда в общение был принят брачный «епископ» Александр Александрович Сидоровский [ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 27. Л. 94].

²³ ГАНО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.

²⁴ ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 161. Л. 1-2.

²⁵ Как и в случае с семейным епископатом, первый второбрачный архиерей, «архиепископ» Михаил Александрович Николаев, был принят Сибирской церковью несмотря на лишение сана Священным синодом, последовавшее после вступления во второй брак (ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 161. Л. 1).

Заключение

Подводя итоги настоящего исследования, следует обозначить, что для постколониального подхода в теологии и религиозных практиках характерно поставление в центр национального наследия в противовес наследию колониальному. При этом постколониализм в теологии может иметь разную степень радикальности. Анализируя положение национальных церковных общин и епархий на территории национальных АССР в Сибирской обновленческой церкви, можно заключить, что стремление к поставлению национального начала в центр церковных практик имело место в отдельных общинах, однако являлось скорее следствием стремлений самих верующих, а не общей политики церковных структур. Некоторые обновленческие «архиереи» второй половины 1920-х – начала 1930-х гг. определенно испытывали интерес к наследию коренных народов Сибири и Дальнего Востока, однако судить с уверенностью, как именно они стремились интерпретировать это наследие и использовались ли ими принципы, сходные с постколониальными, не представляется возможным.

Отдельного внимания с точки зрения постколониализма, несомненно, заслуживает церковный национализм Сибирской церкви, являющийся исключительно обновленческим феноменом. В рамках Сибирской церкви некоторые идеи, в частности идея семейного епископата, были усвоены и интерпретированы как собственные. При этом Сибирская церковь боролась за распространение данных идей (которые воспринимались как свои) на все обновленчество. В этом смысле можно трактовать политику Сибирской церкви как стремление к освобождению от «колониального» влияния и поставлению «собственных» идей в центр церковной жизни и идентичности. Иными словами, некоторые аспекты деятельности сибирского обновленчества вполне возможно интерпретировать в постколониальном ключе.

В целом можно обозначить, что в Сибирской обновленческой церкви имела место как борьба отдельных общин за использование национального наследия в церковных практиках, так и общее стремление к распространению идей, воспринимаемых как чисто сибирские. Вместе с тем четкой системы взглядов, которую можно было бы охарактеризовать как постколониальную, в Сибирской церкви сформировано не было.

Список литературы

1. Голубкина С. Е. О некоторых традициях развития постколониальных исследований // Вестник Минского университета. 2016. № 1-2. С. 1–8.
2. Кузнецов А. И. Обновленческий раскол в Русской церкви // Обновленческий раскол (Материалы для церковно-исторической и канонической оценки). М. : О-во любителей церков. истории : Изд-во Крутиц, подворья, 2002. С. 129–605.
3. Кульчинов С. С., диак. К проблеме автокефалии Сибирской обновленческой церкви в 1920–1930-х гг. // Актуальные вопросы церковной науки. 2021. № 1. С. 179–182.
4. Тисельтон Э. Герменевтика. Черкассы : Коллоквиум, 2011. 430 с.
5. Хачатрян Г. Г. Протестантская теология освобождения // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2015. № 4. С. 36–40.
6. Шишков А. В. Кто скрывается в тени: контуры темной экклезиологии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 39(2). С. 61–89.
7. Christian women in Chinese society. The Anglican story / ed. by W. C. A. Wong, P. P. K. Chiu. Hong Kong : Hong Kong university press, 2018. 274 (XVI) p.

8. Kim E. Minjung Theology in Korea. A Critique from a Reformed Theological Perspective // *Japan Christian review*. 1998. N 64. P. 53–65.
9. Ukpong J. S. Developments in biblical interpretation in Africa: historical end hermeneutical directions // *The Bible in Africa. Transactions, Trajectories, and Trends*. Leiden-Boston-Köln: Brill, 2000. P. 11–28.
10. Westhelle V. *After Heresy. Colonial practices and Post-colonial theologies*. Eugene, Oregon: Wipf and Stock publishers, 2010. 182 (XX) p.
11. Yorke G. L. O. R. *The Bible in the Black Diaspora: links with African Christianity // The Bible in Africa. Transactions, Trajectories, and Trends*. Leiden-Boston-Köln : Brill, 2000. P. 127–149.

References

1. Golubkina S.E. O nekotoryh tradiciyah razvitiya postkolonialnyh issledovaniy [About some traditions of the development of postcolonial studies]. *Vestnik Minskogo universiteta* [Bulletin of the Minsk University], 2016, no. 1-2, pp. 1-8. (in Russian)
2. Kuznecov A.I. *Obnovlencheskij raskol v Russkoj cerkvi* [The renovationist schism in the Russian church]. *Obnovlencheskij raskol (Materialy dlya cerkovno-istoricheskoi i kanonicheskoi ocenki)*. Moscow, Society of lovers of Church History Publ., Krutitsky Podvorye publ, 2002. pp. 129-605. (in Russian)
3. Kulpinov S.S., deacon. K probleme avtokefalii Sibirskoj obnovlencheskoj cerkvi v 1920-h – 1930-h gg. [On the problem of autocephaly of the Siberian renovationist church in the 1920s-1930s]. *Aktual'nye voprosy cerkovnoj nauki* [Topical issues of church science], 2021, no. 1, pp. 179-182. (in Russian)
4. Tyselton E. *Germenevtika* [Hermeneutics]. Cherkasy, Kollokvium publ., 2011, 430 p. (in Russian)
5. Hachatryan G.G. *Protestantskaya teologiya osvobodzheniya* [Protestant liberation theology]. *Kontury globalnyh transformacij: politika, ekonomika, pravo* [Outlines of global transformations: politics, economics, law], 2015, no. 4, pp. 36-40. (in Russian)
6. Shishkov A.V. Kto skryvaetsya v teni: kontury temnoj ekleziologii [Who hides in the shadows: the contours of dark ecclesiology]. *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad], 2021, no. 39(2), pp. 61-89. (in Russian)
7. *Christian women in Chinese society. The Anglican story*. Ed. by W. C. A. Wong, P. P. K. Chiu. Hong Kong, Hong Kong University Press, 2018, 274 (XVI) p.
8. Kim E. Minjung Theology in Korea. A Critique from a Reformed Theological Perspective. *Japan Christian review*, 1998, no. 64, pp. 53-65.
9. Ukpong J.S. *Developments in biblical interpretation in Africa: historical end hermeneutical directions*. *The Bible in Africa. Transactions, Trajectories, and Trends*. Leiden-Boston-Köln, Brill, 2000, pp. 11-28.
10. Westhelle V. *After Heresy. Colonial practices and Post-colonial theologies*. Eugene, Oregon, Wipf and Stock publishers, 2010, 182 (XX) p.
11. Yorke G.L.O.R. *The Bible in the Black Diaspora: links with African Christianity*. *The Bible in Africa. Transactions, Trajectories, and Trends*. Leiden-Boston-Köln, Brill, 2000, pp. 127-149.

Сведения об авторе

Кульпинов Сергей Сергеевич
 кандидат богословия, диакон,
 старший преподаватель, кафедра
 церковного богословия
 Новосибирская православная духовная
 семинария
 Российская Федерация, 633103,
 Новосибирская область, г. Обь,
 ул. Военный Городок, 127
 e-mail: agnus.dei@rambler.ru
 ORCID: 0000-0003-3266-8876

Information about the author

Kulpinov Sergey Sergeevich
 Doctor of Divinity, Deacon, Senior
 Lecturer, Department of Church Theology
 Novosibirsk Orthodox Theological Seminary,
 127, Voenny Gorodok st., Ob, 633103,
 Russian Federation
 e-mail: agnus.dei@rambler.ru
 ORCID: 0000-0003-3266-8876

Статья поступила в редакцию **08.09.2021**; одобрена после рецензирования **29.09.2021**; принята к публикации **19.02.2022**
 The article was submitted **September, 08, 2021**; approved after reviewing **September, 29, 2021**; accepted for publication **February, 19, 2022**